

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Последствия крестовых походов и времена междуцарствия. — Смерть Конрадина

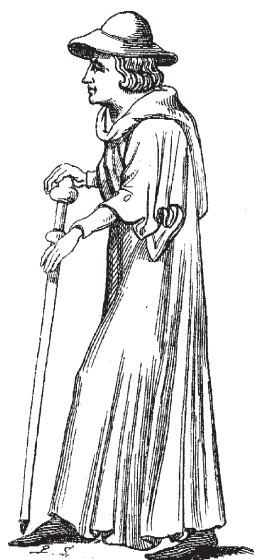
Обеты освобождения святых мест держались еще некоторое время как идея, а вскоре превратились в фразу, которую никто уже не думал осуществлять на деле. Эта фраза осталась употребительным орудием в арсенале западной церкви, — орудием, которое снова пускалось в дело, когда в великой исторической борьбе Запада с Востоком нападение шло с Востока. Употреблялось орудие и в других случаях. Остроумно и глубоко выразился философ-исследователь истории человечества, Гегель, говоря, что европейское человечество в своих воинственных паломничествах к гробу Спасителя обрело там ответ, который некогда был дан ученикам: «Что ищите Живого среди мертвых? Его здесь нет, Он восстал». Великие основы христианства и их сила, увлекающая и освобождающая народы, не связаны с обладанием определенными местностями, бывшими земным поприщем деятельности Спасителя, завещавшего своим ученикам, что он пребудет с ними до конца веков, всегда и везде. Грезе, которая из поколения в поколение все более и более утрачивала свой набожный характер, приносились в жертву почти ежегодно в течение многих лет громадные массы народа, — а между тем обладание Гробом Господним скоро было утрачено, и притом навсегда. Тем не менее эти походы представляют в высшей степени знаменательную и полную глубокого значения эпоху в истории человечества. Во многих отношениях их влияние можно сравнить с совершением большого путешествия. Следует остерегаться признавать исключительным последствием крестовых походов то, что было результатом действия разнообразных сил того времени.

Крестовые походы. Общий взгляд.

Движение зародилось из переполнявшего души чувства, которому религия указала определенную цель. Можно сказать, что эту своего рода эмиграцию вызвал избыток населения в некоторых местах. Эти походы нельзя назвать чем-то совершенно новым ни с материальной, ни с духовной стороны: во-первых, передвижения, скитания людей в поисках земель не прекращались со времен великой колонизации, которую принято называть эпохой переселения народов. Что касается духовной стороны, то известно, что с давних времен, задолго до 1096 г., ежегодно весной из итальянских портов отправлялись целые толпы в Иерусалим. В указанное время такое движение приобрело новое значение, потому что мысль об освобождении Святой земли стала на долгое время модной, все страсти и душевные побуждения, как хорошие, так и дурные, как высокие, так и низменные, смешались с этой мыслью, служили ей, приняли от нее свою окраску, вследствие чего сообщили благочестивому движению мирской характер. Грубая физическая сила и материальное представление о священных предметах, тупое невежество и недостаток развития, пре-

Усиление веры.

дававшее лиц высших и низших сословий, духовенство и мирян в жертву необузданной фантазии, простодушная, детская вера, как столь же простодушная и детская погоня за новизной и забавой, — все это одинаково содействовало движению, в основе которого лежала вера в сверхъестественное, в чудеса. Возможность осуществления великой теократической идеи, — ее внедрения в общественный строй, — поощряла духовенство к сильнейшему возбуждению умов в указанном фантастически набожном направлении; потому этот период ознаменован наивысшим господством церкви и ее служителей. С той же наивной смелостью, с которой папы того времени заявляли свои притязания на всемирное главенство и в словах Спасителя Петру: «Я дам тебе ключи царствия небесного» усматривали тот смысл, что святому Петру и его преемникам даны бразды правления над миром небесным и земным, — с такой же наивностью папские легаты и патриархи, а в низших сферах — отшельники и монахи вели большие армии и принимали на себя руководство военными действиями, о которых не имели понятия. Соответственно, бесчисленными были и жертвы. Трудно найти в истории другие боевые предприятия, которые сопровождались подобными потерями и таким количеством бедствий при таком жалком несоответствии между достигнутым и силами, которые были приведены в действие для достижения этой цели.

Ослабление
веры.

*Пилигрим. Конец
XIII в. По рукописи из
Национальной библиотеки
в Париже.*

Вследствие этого итоги и влияние последних походов представляют собой нечто совершенно противоположное первоначальному настрою. Наступило потрясющее, всеобщее отрезвление. Чудеса, вера в которые была так сильна, что всегда находилось множество очевидцев их совершения, оказались обманом. В чужих землях, даже в той, которая именовалась Святой, все обстояло так же, или почти так же, как и на родине паломников, и за морями люди жили так же. Вскоре пробудился критический дух, далеко не сходный с «Deus lo volt» Клермонского собора. Отрезвленные умы находили, что если бы Господь был недоволен тем, что святые места — в руках у сарацин, то изменил бы такое положение дел и без крестовых походов. Но этого было мало: люди имели случай познакомиться с другими народами и другими вероисповеданиями, узнали их не по одним пристрастным изображениям ограниченного духовенства, а сталкиваясь с ними лично, на месте, и пришли к убеждению, что с последователями Магомета можно ладить. Многие из членов тех орденов, которые первые воодушевляли всех, впали теперь в легкомысленнейшее неверие и опасные святотатственные выходки. Собственно, с самого начала существовало известное течение мысли, осуждавшее это стремление вдаль, в погоню за приключениями. Это противодействие особенно сказывалось между немцами, склонными к спокойной работе на родине, при честном отчужде-

нии от всякой неразборчивой, неразумной, бесшабашной непоседливости. Такое настроение одержало верх, оправдываясь сотни и тысячи раз примерами тех, кто возвращался разочарованным и обнищавшим, и еще большим числом невозвратившихся, пропавших без вести. Но мирские расчеты, материальные интересы выступали на первый план при повторении походов. В какой степени заслуживали отпущения грехов побывавшие в Святой земле — становилось сомнительным, потому что там процветали всякие грехи, как местные, так и вывезенные с чужбины. Но что там можно было нажить денег и всякого добра — это было ясно, судя по обогащению итальянских приморских городов, которые пользовались вернейшими барышами. В конечном итоге люди, отказавшись от надежды добиться небесных благ силой, стали старательнее возделывать землю, применяя силы, дарованные человеку, более разумно и на своей почве.

Несомненно, жизнь в течение этих двух столетий стала богаче, светлее, свободнее. Это особенно видно из наблюдения над отдельными классами общества. Крестовые походы вызвали или помогли вызвать социальное переустройство, лишь косвенно повлияв на политическое. Менее всего этим движением были задеты *крупные землевладельцы*, знатнейшие князья. Они не руководили им, лишь позволяя увлечь себя, частью весьма неохотно и только потому, что участие в крестовом походе считалось в высшем кругу одним из правил хорошего тона. *Государство* или, лучше сказать, государства, — потому что собственно *империя* не имела никакой прочной связи с основанными в Палестине владениями и вообще со всем этим движением, — государства извлекли из этих походов мало пользы. Напротив, они потерпели даже потери, потому что движение крестовых походов крайне увеличило влияние духовенства, не говоря о папах: можно ли представить себе более могучую власть, нежели та, которую приобрел аббат Бернар Клервоский в середине XII в. и которая не соответствовала его личному значению и способностям? Правящие лица, великие папы той эпохи, расчетливо пользовались этими явлениями, старательно избегая при этом подвергать лично свою особу, а вместе с тем и авторитет святого Петра, случайностям этих слишком смелых предприятий. Нельзя не удивиться, что никого не смущало постоянное отсутствие пап в походах во имя Креста. *Церковь*, если понимать под этим духовенство во всей его иерархии и монашеские общины, находила в этом движении материальную выгоду. Многие паломники ради выполнения своих обетов и из-за душевного стремления, полностью или частью закладывали или отчуждали свои имения, а для церкви открывалась возможность дешево скупать такие поместья. Сверх того, обычные пожертвования благочестивых людей на церкви и монастыри крайне возросли при общем возбуждении умов во время крестовых походов. Многие

Монах-бенедиктинец (XIII в.).

Изменение
жизненных
условий.
Могущество
духовенства.

лица, которые не могли или не хотели принять прямое участие в походе, старались умиловить Бога или своего святого, или своего епископа приношением. Своеобразное порождение этого времени, рыцарские ордена, очень скоро приобрели громаднейшие состояния.

В такое благоприятное время церковь укрепила свое могущество, и система, которая отмечена именем Григория VII, получила свое высшее развитие. Браки священников прекратились, хотя еще в 1229 г. встречаются женатые даже среди лиц высшего духовного звания. Создание сословия, совершенно

отделенного таким образом от мирян, завершилось. Форма, установленная для исповеди, подчиняла их церковной дисциплине, перед церковью раскрывались все тайны. Отлучения и интердикты расцвели пышнее, чем когда-либо, и надзор над мирянами и даже над самим духовенством усилился благодаря учреждению *инквизиции*, при которой трудно было определить, где оканчивается шпионство и начинается судебное разбирательство. Уже само учреждение ее доказывало, что старая простодушная вера была поколеблена. Духовенство по-прежнему набирало членов из высших сословий, и эта связь аристократии с иерархией яснее всего проявилась в *рыцарских орденах*. Но папы весьма про-

Печать тамплиеров. Париж.
Национальный архив.

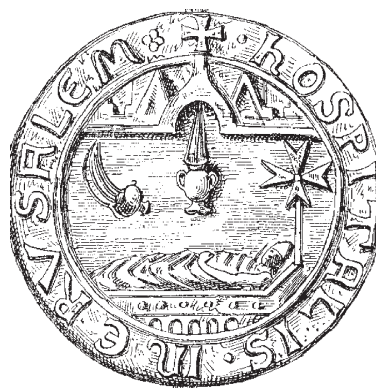
На ней изображено здание, похожее
на мечеть Омара.

зорливо сумели создать себе большую силу из демократических элементов, учредив *нищенствующие ордена*, сохранявшие простонародный характер. Эти ордена составляли известный противовес бенедиктинцам и другим орденам, устроенным по их образцу. Будучи народными по общему составу, но наделенные весьма обширными привилегиями от пап, они проникали всюду, часто и в университеты, причем соперничество, издавна существовавшее между белым и черным, светским и монашеским духовенством, чрезвычайно обострилось и отчасти перешло в заклую вражду. Вначале нищенствующие ордена подчинялись установленному церковному порядку, строго соблюдая повиновение. Как ни далеко заходили францисканцы в поклонении основателю своего ордена, приписывая ему всевозможные чудеса, все же они не собирались, как не собирался и сам святой Франциск, слишком упорно настаивать на противоречии, которое представляло господствовавшее направление папской политики, стремившейся к светской власти и светскому достоянию, по отношению к их чисто евангельской бедности.

Наука не только развивалась в пределах церковных воззрений и догматики, но в некоторой степени была монополией духовного сословия. Была лишь одна наука — *богословие*, и то, что могло быть приобретено знанием, укладывалось в эти рамки, составляя нераздельную ее часть. Это средневековое богословие, бывшее вместе с тем и философией, носит название «*схоластики*».

Схоластика.
Мистика.

Схоластика особенно процветала в этот период. Приведя в систему церковное учение, придав ему научную форму, сделав его правдоподобным для мыслящих умов, она с новой стороны подкрепила превосмогавшую все силу церкви и духовного сословия. К великим учителям XI и XII вв.: Ансельму Кентерберийскому, Беренгарию Турскому, Ланфранку, Абеяру, Бернару Клервоскому, Петру Ломбардскому, — присоединились теперь знаменитые догматики нищенствующих орденов: доминиканец *Фома Аквинский* (1225–1274) и францисканец *Иоанн Дунс Скотт* (ок. 1266–1308). Согласно их воззрению, церковное учение содержит объективно неопровержимую истину. Со строгой, глубоко проникающей последовательностью они развивают свою научную систему, исследуя соотношение разума и откровения, существо и естество Божие, углубляются в таинство Троицы, вечности или предельности мира, в отношение человеческой свободы к божьему промыслу; разбирают существо ангелов и степень их знания по сравнению со знанием человеческим, греховность и благодать, искупление и прощение; представляя церковь в виде мистического тела, к которому принадлежат и ангельские чины, они извлекают из этого представления число семи таинств, особо углубляясь в истолкование важнейшего из них — таинства Евхаристии, изощряют всю тонкость своего ума для истолкования того, каким образом благодать Божия действует в таинствах, и опускаются даже до рассмотрения таких догматических и мелочно-обрядных вопросов, для разрешения которых им остается только один выход: прибегнуть к премудрости Божьей, и «*Deus novit*» полагает конец их сомнениям. Так, путем схоластических тонкостей было объяснено, почему священнослужитель никоим образом не может принимать Тела без Крови, — хлеба без вина, — между тем как мирянин может и даже должен делать это: священнослужитель, говорило учение, приносит жертву во имя всех, а «Христос всецело содержится под обоими видами». В этом пункте ярче выступает связь между схоластической догматикой, выраженной в полном совершенстве Фомаю Аквинским, и могуществом иерархии. В 1264 г. Урбан IV дал этой связи наглядное и весьма искусное выражение, учредив новейшее из церковных празднеств — «праздник Тела Господня» (*Corpus Dei*). Рядом со схоластикой и опиравшейся на Аристотеля диалектикой в богословии развивалось и другое направление, которое характеризуется именами Гуго (1141 г.) и Ришара (1173 г.) из обители Сен-Виктор: это была *мистика*, которая, оставляя себе и веру, и науку, доводила религиозное чувство до непосредственного созерцания божественной истины, — или, по крайней мере, вела к предвкушению такого созерцания.

Печать госпитальеров. Париж.
Национальный архив.

Фигура больного символизирует первоначальное назначение ордена.

Самомнение и высокомерное смирение духовного сословия в лице Григория VII дошли до своего высшего, в своем роде неповторимого развития. В одном из посланий к епископу Герману Мецскому (1081 г.) он «с полным смирением» ставит вопрос: «Может ли кто сомневаться в том, что служители Христовы поставлены быть отцами и руководителями королей, князей и всех верующих?» И он достаточно близко подходит к демократическим раз-

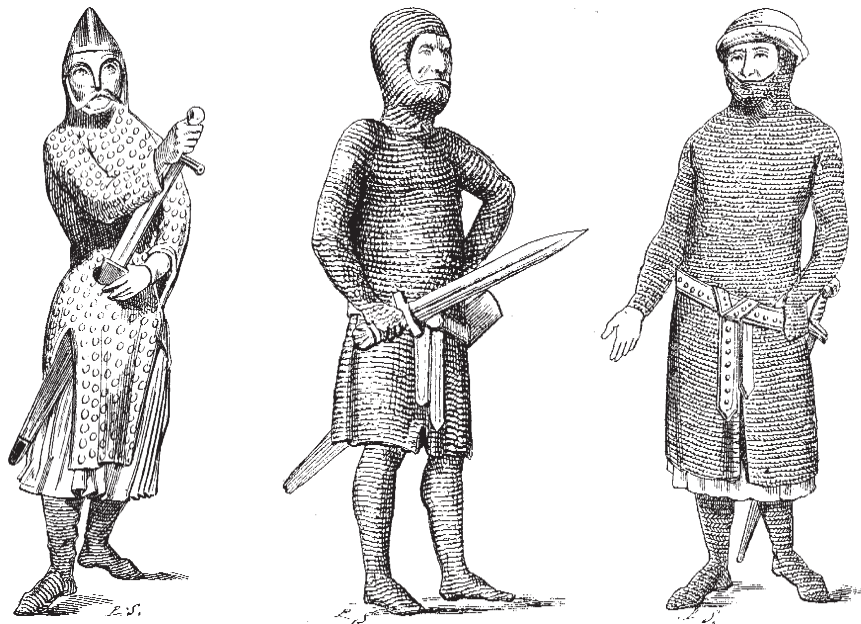
Печать Парижского университета. Конец XIII в.

глагольствованиям позднейших веков, восклицая при этом: «Кто же не знает, что короли и князья ведут свой род от тех, кто и не ведал о Боге, и достигли своего господства над людьми, ближними своими, с помощью высокомерия, насилия, коварства, разбоя, словом, преступлений всякого рода, посеянных князем мира сего, то есть дьяволом, и властвуют со слепой жадностью и невыносимой гордыней?.. Кто из них дерзнет совершить высшее в вере Христовой: словом своим изобразить Тело и Кровь Господню?»

Рыцарство. Но чудовищное могущество духовного сословия, владевшего до того времени почти единолично силой устного и письменного слова, литературой и проповедью, имело много слабых сторон. Оно покоилось на потребности человека верить в сверхъестественное соотношение мира и человеческой души. Но сама эта потребность была так велика, что люди, постоянно стремясь к материалу для веры, всегда были готовы верить и всему иному, новому, кроме предлагаемого церковью с ее догматами и легендами. С другой стороны, разумно обоснованные научные приемы схоластики при выработке церковного учения пробуждали в умах стремление к критической оценке, дух разумной проверки — сомнение. Это поколебало значение духовенства в низших слоях народа; во многих местах, хотя и не везде, в них распространилось кощунство, несмотря на все варварские казни за него, одновременно с большим общественным поворотом — возникновением *рыцарства* при крестовых походах, совершенным самими этими походами.

Название «*рыцарь*» обозначало сначала просто человека, обязанного следовать в походе за каким-либо дворянином — князем, графом, маркграфом — и владевшего от него леном. Рыцари редко сами принадлежали к дворянскому сословию, а набирались часто даже из числа податных. Но сутью было то, что одетые в броню всадники, составлявшие единственную организованную и относительно дисциплинированную часть армии, решавшую своей храбростью исход сражений, аристократически выделялись из общей массы войска. Общая святая цель, привычка к совместной боевой и лагерной жизни с ее опасностями и досугами, существенная однородность общего невысокого развития сглаживали сословные различия между этими воинами, и они слились

в одно общее сословие, в особый класс, что было ошутимее оттого, что в этих армиях объединялись люди различных европейских народов, обладавшие одинаковым общественным положением. Тон задавали французы; таким образом в этих дальних рискованных походах в рыцарстве вырабатывались общие нравы, общие понятия, игры, добродетели и пороки. Они усваивались в битвах с чужаками-сарацинами, заимствуя у них, в свою очередь, родственные рыцар-

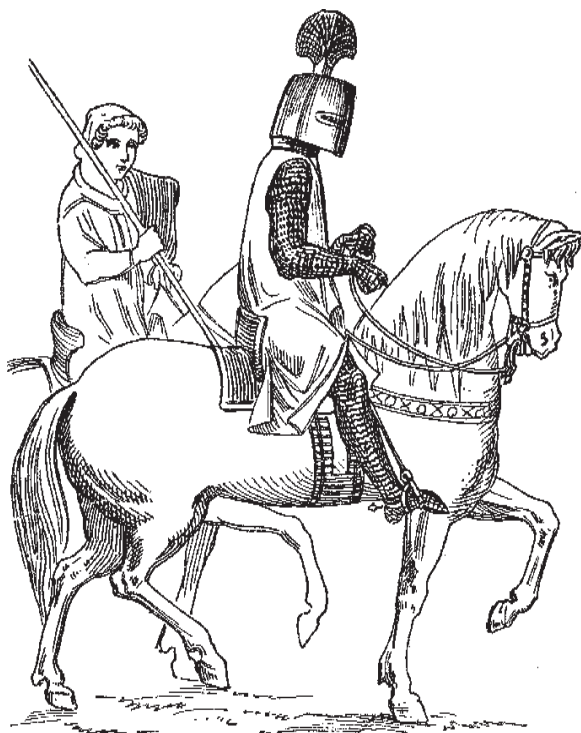

Эволюция рыцарского вооружения в XI–XIII вв. Реконструкция Виолле-ле-Дюка по различным памятникам.

Слева направо: рыцарь — конец XI в.; рыцарь — середина XII в.; рыцарь — начало XIII в.

ству элементы, и эти элементы потом еще более крепили среди распрей на родине, под впечатлением испытанного в дальних походах и битвах. Замечательно было, что при аскетическом жизненном идеале, который исстари выражал собой все высшее в нравственном смысле, вступило в свои права начало боевое, светское, удовлетворявшее естественным стремлениям человека. В рыцарстве ценилась не только храбрость, но и утонченная, царедворская, приличная званию рыцаря выдержка во всем. Возник кодекс вежливости, касавшейся всего, начиная с правил при еде и питье до законов обращения с раненым противником при рыцарских потехах или турнирах, и даже при серьезных поединках и на войне. При создании подобных условных правил утонченной нравственности женщины, пользовавшиеся ограниченным значением при прежних воззрениях, вновь заняли положение, позволявшее им распространять свое благотворное влияние. Подготовка к рыцарскому званию начина-

лась рано. Мальчик поступал сначала в пажи ко двору знатного лица, где учился тонкостям рыцарского образа жизни, потом превращался в прислужника, *оруженосца*, наблюдавшего за боевым конем, доверенного слугу или гонца, изучая при этом более суровые стороны и требования рыцарской службы, пока, наконец, по какому-либо случаю, — на турнире при праздновании княжеской свадьбы или при столкновении целых армий в настоящей вой-

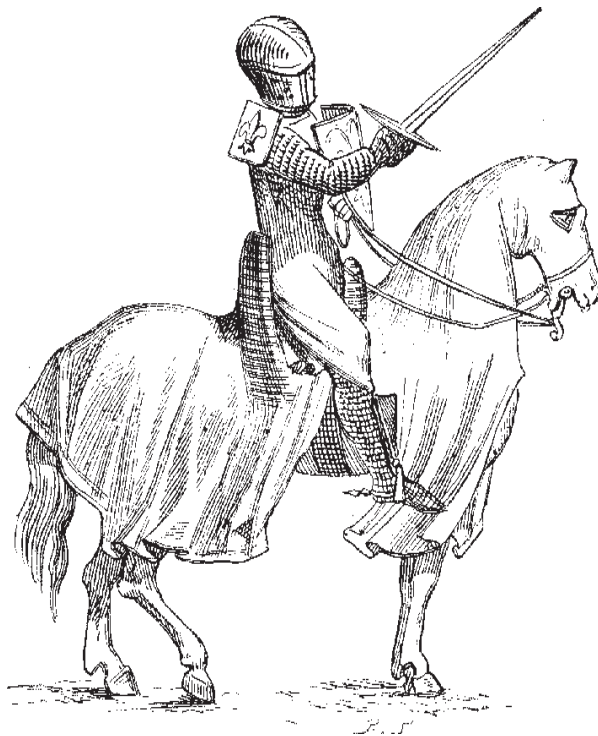

Рыцарь и оруженосец. С миниатюры XII в.

не — его не посвящали в рыцари с соблюдением предписанных обрядов, вместе с чем ему присваивались все права привилегированного сословия. Разумеется, что при этом важную роль играли эмблемы, цвета, гербовые щиты, шлемы и тому подобные отличия, равно как определенные слова и формулы. Сознание принадлежности к рыцарскому сословию и соблюдение рыцарских обычаев особенно поддерживалось *турнирами*, или рыцарскими играми, составлявшими любимейшую забаву в XII–XIII вв. Они были целым событием для провинции, округа, города, — потому что горожане, по крайней мере, высшего круга, пристрастились к этим потехам; начинались споры о превосходстве того или другого рыцаря в одиночном бою или о том, чья сторона

при общей схватке забрала больше пленных, лучше исполнила то или другое движение. Заклады и призы играли при этом свою роль, и прославленные бойцы странствовали с турнира на турнир не всегда ради одного своего честолюбия или служения даме. В этой пестроте, оживлении и всем рыцарском быте было много блеска, хотя часто и мишурного. Водились молодцы, которые превращали свою виртуозность в нанесении или парировании удара в выгодный промысел. Если старание выслужиться при дворе, рыцарская гордость, стремление добиться благоволения знатной дамы имели во многих случаях свои достоинства, которых нельзя не оценить, то эти силы весьма часто изменяли себе или принимали ложное направление. Всему внешнему придава-

лось слишком много значения: снискание благосклонности государя обращалось в льстивость и низкопоклонство; рыцарская гордость — в грубость или высокомерное отношение к простолюдинам и их честному труду. Во многих местностях рыцари все больше обращались в тиранов и вступали в явный и губительный антагонизм с трудящимся сословием, свободными поселянами и жителями городов. При более внимательном рассмотрении и в служении рыцарства женщинам оказывалось более темных сторон, нежели светлых. Крестовые походы, отвлекавшие мужчину на целые месяцы и годы от его первых и непосредственных обязанностей, были губительны для правильной семейной жизни, совершенно противоречили всем ее основам. Те благородные провансальские и нормандские дамы, которые сами отправлялись в Святую землю, подавали повод иногда к неосновательным, а иногда и к совершенно справедливым и весьма непохвальным толкам, а то, что известно о нравственности, господствовавшей в сирийских поселениях, в военном стане под Акрой и во многих других, доказывает, что крестоносцы гораздо тверже и мужественнее исполняли свои воинские обязанности, нежели более трудные, налагаемые христианской нравственностью. Служение женщине стало особенно вырождаться в нечто весьма глупое и карикатурное с той поры, как турниры повсеместно вошли в обычай. В книге «Служение Даме», написанной одним австрийским рыцарем, Ульрихом фон Лихтенштейном (1276 г.), перед нами разворачивается полная картина этого бессмысленного, смешного, дикого ухода, ради которого, например, женатый рыцарь, состоявший в услужении у жены другого рыцаря, наряжался в шутовской наряд мифической Венеры (Frau Venus немецких преданий) и следовал за предметом своего служения с турнира на турнир, всюду ломая в

Рыцарь конца XIII в. Реконструкция Виолле-ле-Дюка по рукописи из Национальной библиотеки в Париже.

Его наплечники представляют собой маленькие пластины — т. н. плечевые щитки.

Посвящение в рыцари. Миниатюра из Оксфордского кодекса.

Дама под защитой рыцаря. Аллегорическая миниатюра. Рукопись из Национальной библиотеки в Париже.

ее честь копья, в безопасном, но бесцельном и бессмысленном бою. Эти выходки, конечно, представляли собой еще меньшее из зол: несомненно, служение женщине в высших кругах общества вносило в жизнь и элемент значительной испорченности нравов под личиной демонстративного почтения к женщинам, давая простор и чувственности, и не совсем приличным шуткам. Даже на обрядовой стороне культа святой Девы, особенно сильно развившегося именно в это время, отразились черты преувеличенного служе-

Турнир в XIII в. Резьба по слоновой кости. Крышка шкатулки. Равеннская библиотека.

На трибунах — зрители, преимущественно дамы. Слева наверху — трубачи, подающие сигнал к началу боя. В центре — схватка, по обеим сторонам — рыцари, которым дамы вручают шлемы и копья.

ния женщине, хотя нельзя не признать, что культ святой Девы как идеала женской кротости и чистоты представляет собой одно из весьма утешительных явлений в это время общего огрубения нравов, когда умение владеть мечом составляло едва ли не главную цель жизни каждого рыцаря.

Из рассмотрения исторической жизни двух веков можно сделать вывод, что не одно духовенство занимало первое место в европейском обществе, что рядом с ним возникло и развилось мирское рыцарское сословие. Принадлежность к нему была целью самых пламенных стремлений и желаний низших сословий, горожан и поселян: действительно, находились такие счастливицы, которые из низших сословий, своими личными заслугами, поднимались в это высшее сословие. Были и такие, которые из владетельных князей превращались в простых рыцарей, но, конечно, рыцарское сословие вскоре совсем изменилось, когда сделалось *наследственным*, т. е. перестало зависеть от личных

**Рыцарская поэзия.
Трубадуры.**

заслуг. Хотя нравы, обычаи и воззрения этой военной аристократии во всей Европе придавали некоторую однородность высшему слою общества, однако, с другой стороны, рыцарство влияло и на развитие национальных особенностей в каждом из европейских народов. Рыцарство сближало их, но не обезличивало. Под непосредственным влиянием рыцарства всюду развилась национальная *литература*, главными создателями которой стали привилегированные, рыцарские классы. В этом отношении духовенство уже не могло тягаться с рыцарством. И как сильно ни был распространен латинский язык в обществе, языком этой новой литературы стал народный язык, и даже духовные лица, которые занялись поэзией, должны были творить на народном языке. Сильнее всего этот новый дух проявился в среде *французского* рыцарства: в любовных песнях, сирвентах или «служебных песнях» с их сатирическим оттенком, в стихотворных спорах и диалогических песнях *трубадуров*. Перечитывая живые и полные свежих поэтических образов произведения талантливейшего из южнофранцузских лириков *Бертрана де Борна*, поневоле переносишься в те времена, переполненные непрерывным военным шумом, и начинаешь понимать тот пафос, с которым он обращается к своему ленному владыке, Ричарду Львиное Сердце, или тот неистовый восторг, с каким он описывает битвы и штурмы замков:

Да! Это — это всему предпочитаю:
И сну, и пиру, когда звучит
Мне в уши труба: «Вперед! Вперед!»
И вот уж мчится конь без седока,
Оглашая воздух громким ржаньем...
И раздаются крики: «Дружней, дружнее в бой!»
И воины, сплотившись тесным рядом,
Уже падают на стене —
И у многих, в груди, выставляясь из-под одежды,
Еще торчит копьё — причина его страданья!

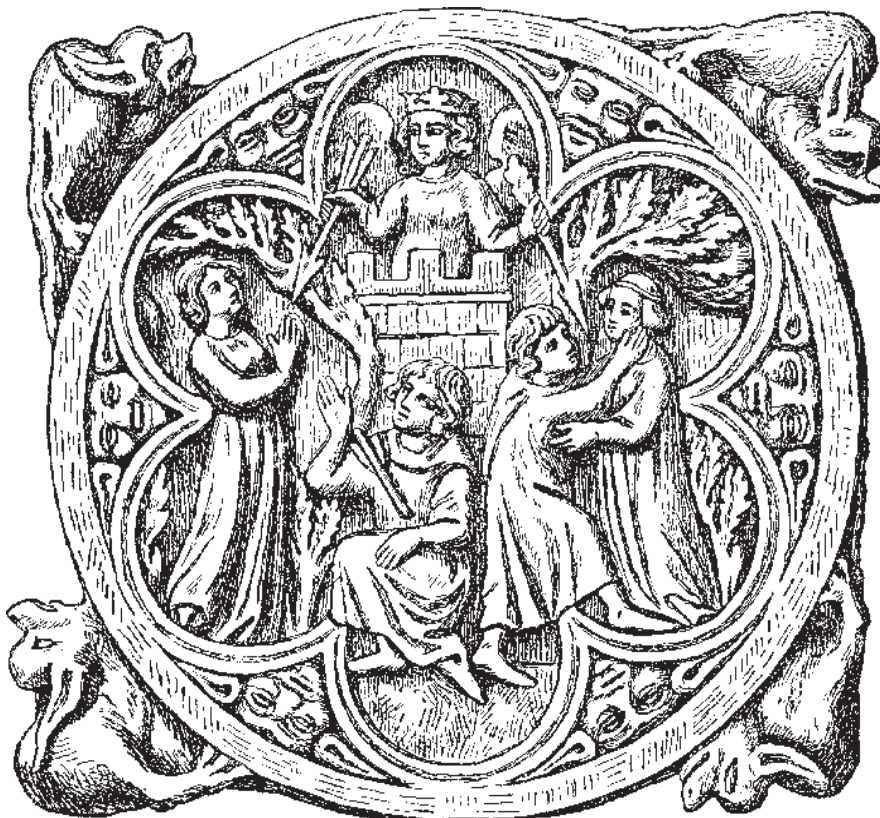
Тот же воинственный дух иногда побуждает поэтов того времени дерзновенно поднимать голос и против весьма опасных соперников. Так, например, один из северофранцузских поэтов, Гюйо Провенский, не церемонясь, описывает римский двор, «преисполненный тяжкого греха, вместилище злобы, источник всяких пороков». При этом он рассказывает о продаже и перепродаже приходов и церквей, о корыстолюбии и расточительности архиепископов и епископов, о беспутной жизни низшего духовенства, даже монахов, о которых сообщает, между прочим, что есть между ними и такие, «которые на ночь заплетают свою бороду на три части, чтобы не испортить ее красоту».

Миннезингеры. Точно так же и некоторые из *немецких миннезингеров* обязаны более серьезным содержанием своих стихотворных произведений своему служению определенным политическим убеждениям. Но, вообще, эта немецкая лирика рыцарских времен при большом разнообразии внешних форм отличается примечательным однообразием внутреннего содержания: один из немец-

Миннезингер Вальтер фон дер Фогельвейде. Миниатюра из Большой Гейдельбергской рукописи (ок. 1300 г.). Гейдельберг. Университетская библиотека.

ких исследователей довольно верно сравнивал эту лирику со щебетанием птиц. Иным духом веет от произведений самого выдающегося из миннезингеров, *Вальтера фон дер Фогельвейде*, который был ярким сторонником императоров и писал для утешения Филиппа Швабского, Оттона IV, Фридриха II, переполняя свои стихотворения резкими нападками на папу и его ухищрения: его

Богиня любви, персонаж поэзии миннезингеров. Резьба по слоновой кости. Футляр для зеркала. XIII–XIV в.

враги недаром утверждали, будто он своими произведениями многие тысячи людей «одурачил и отвратил от Бога и повиновения папе». Таким же горячим сторонником императорской власти являлся и другой миннезингер-сатирик, *Фрейданк*; в своем произведении, которое он называет «скромным назиданием», этот автор с поразительной по тому времени ясностью указывает на противоречие между учением Христовым, между деятельностью апостолов, с одной стороны, и между практической деятельностью римской церкви. Особенно остроумно и живо он выставляет на вид извращение, которое было

допущено папами и высшими сановниками в христианском учении об отпущении грехов, способствовавшее внесению многих злоупотреблений в отношения духовенства к пастве. Но при всех достоинствах нельзя не заметить при разборе этой лирики, что она довольно тяжела и что чувства, положенные в ее основу, скудны и однообразны.

Бой Александра Великого с химерами. Рукопись XIII в. Брюссельская библиотека.

Гораздо более плодотворной и благодарной всюду оказывалась *эпическая поэзия*. Ее развитие в Германии можно проследить только в самых общих чертах. Народная, первоначальная основа этой поэзии и даже форма, в которой распространяли ее повсюду странствующие народные певцы, естественно, утрачена навсегда: об этой основе, об этих сагах, можно составить некоторое приблизительное понятие по тем произведениям, в которые впоследствии эти саги были введены. Такой переработкой древних народных сказаний является, например, «*Вальтари, мощный рукой*» — *Waltarius manu fortis* — поэма, около 930 г. сложенная Эккехардом, монахом знаменитого Санкт-Галленского монастыря. В этом произведении он переложил в латинские стихи, подражая размеру Вергилия, одно из древних народных сказаний героического эпоса. Но в период крестовых походов эпическая поэзия развивается, расширяет свой полет и принимается за разработку все новых сюжетов. Благочестивые легенды и вся область духовных сказаний уступают место светскому *роману*, который в первых своих образцах в XI в. пред-

Эпос.

ставляется бедным и по форме, и по содержанию. Мелкие эпические произведения, которые прежде пели народные певцы, заменяются теперь более крупными, основой для которых служат сказания об Александре Великом и о Карле Великом, а также французские, английские, древнеримские и древнегерманские саги. Подобная литература возникает в Германии около 1170 г.,

Бой Александра Великого с дикими людьми. Рукопись XIII в. Брюссельская библиотека.

и ее существование заставляет предполагать уже известный круг читателей, не просто слушателей. В довольно обширной области подобного рода произведений есть и «Песнь о Роланде» священника Конрада Регенсбургского, и «Песнь об Александре» священника Лампрехта из Трира, и переложение «Энеиды», написанное Генрихом фон Фельдеке. Но из общей массы таких произведений выделяются два больших эпоса, — «Песнь о Нибелунгах» и «Кудрун», авторы которых неизвестны, хотя и то и другое, очевидно, относятся в окончательном варианте к штауфенскому периоду (к началу XIII в.). В это время и придворные поэты, подобные *Готфриду Страсбургскому* или *Вольфраму фон Эшенбаху*, уже вполне сознательно и обдуманно относятся к своим произведениям (первый создал «Тристана и Изольду», второй — «Парцифалья»). В них находим более глубокое понимание духовной жизни того времени и тех интересов, которые занимали в это время высшие классы. Но в «Песни о Нибелунгах» и «Кудрун», возникших из народной основы, ближе знакомишься и с жизнью, и с духом, и с воззрениями не отдельных классов общества, а всей германской нации. В основе этих двух произведений лежат не какие-нибудь временные и преходящие интересы, а отношения, которые в том или другом своем проявлении всегда привлекали к себе внимание и интерес всех. Весьма важно было и то, что подобные произведения, привле-

кавшие внимание общества, стали появляться не на чуждой большинству латыни, а на народном языке и что их авторами были уже не духовные лица, грамотные по преимуществу и обязанности своего звания, а миряне — рыцари или певцы по ремеслу, которые могли воспевать все, что вздумается, и, не затрудняясь ничем, выражать свои подлинные ощущения и воззрения.

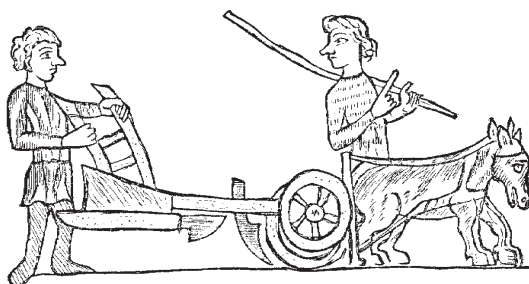
Бой Александра Великого с оборотнями. Рукопись XIII в. Брюссельская библиотека.

Эта литература ясно доказывает, в какой степени в эти столетия духовный горизонт расширился, а духовная жизнь европейских народов стала богаче и разнообразнее. И мысли, и разговоры людей стали более, чем прежде, вращаться в области *мирского*. Если в это время слышны обращения к церкви и духовенству укоры в излишнем увлечении мирскими интересами, то поводом к этому, конечно, была не только жажда власти и обладания у епископов и пап, а и то, что вообще все умы той эпохи обратились главным образом к мирскому. Это направление отразилось и на духовном сословии, которое тем менее имело возможность от него уклониться, что в период крестовых походов было призвано к участию во всех политических и военных делах. Оба сословия — и рыцарское, более и более перерождавшееся в аристократию, и духовное — не враждовали друг с другом. Церковь охотно придает свои формы и рыцарским празднествам, и даже рыцарским забавам. Так, например, церемония вступления в рыцари начиналась с того, что служили обедню; да и вообще образование рыцарства было слишком поверхностно и слишком проникнуто суетностью, чтобы рыцарство могло помышлять о сколько-нибудь серьезной оппозиции по отношению к духовенству и церкви. Более глубокое воззрение на соотношение божеского и человеческого начала скорее возникало в тех слоях народа, где главное содержание жизни составляла суровая трудовая деятельность.

Преобладание мирского интереса над духовным.

Из этих слоев собственно *крестьянское* сословие — сословие свободных землепашцев-собственников — в течение многих веков стояло весьма низко по общественному положению. С презрением смотрел рыцарь на крестьянина, который уже давно не носил оружия, и крестьянин отвечал на это презрение со стороны своего тирана глубокой ненавистью и, где было возможно, платил ему за насилие насилием. Крестовые походы не улучшили быт

Народ.
Крестьянское
сословие.

Сцены крестьянского быта.

По миниатюрам из рукописи «Саксонское зеркало». Гейдельберг.

Крестьяне и плуг (вверху) XIII в. Крестьяне при закладке нового селения (внизу): владелец земли, феодал, вручает ее старшине на условиях наследственного оброчного права, что удостоверяется грамотой (где можно прочесть: «ego dei gratia») с подвешенной к ней треугольной печатью.

Городские
сословия.

Развитие
городско-
го быта.

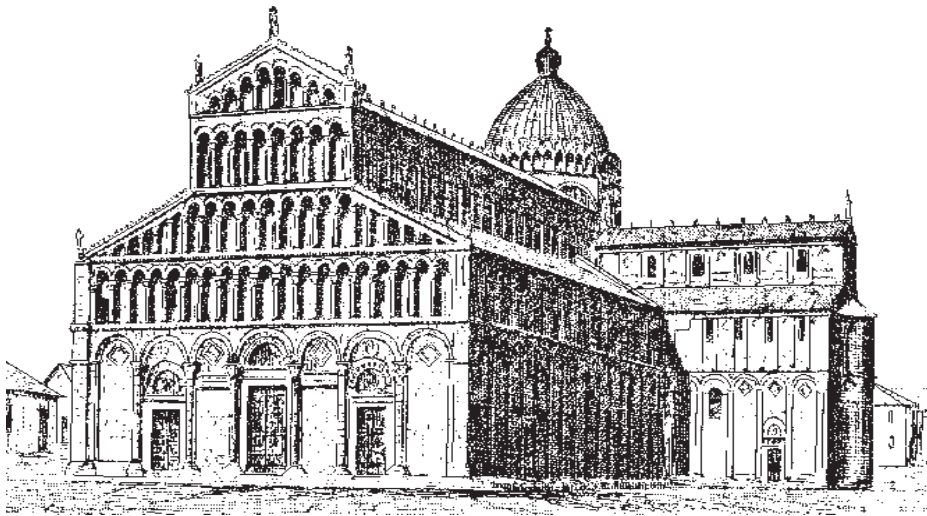
этого слоя населения, хоть за это время и замечен некоторый прогресс в улучшении обработки земли. И вообще говоря, древнегерманское свободное земледельческое сословие хотя и удержалось в некоторых местах, однако сильно сократилось и было в упадке. Оно все более и более подчинялось зависимости от посредников, светских и духовных властей и господ, сверх тягостной службы, которую должно было нести на законном основании под властью этих господ, вынуждено было еще терпеть жестокие насилия и оскорбления от тиранства рыцарей и их различных прислужников.

Само собой разумеется, что при таком стесненном положении это сословие не могло способствовать медленному и спокойному прогрессу общественной жизни: эта миссия главным

образом выпала на долю сословия *горожан*. Чрезвычайно любопытно вспомнить, что по древнегерманскому воззрению всякое огражденное стенами поселение уже представлялось стеснением личной свободы, а в данное время, напротив, только за толстыми стенами городов и оставалась возможность пользоваться известной личной свободой, столь необходимой для прогресса в общественной жизни.

Возобновление отношений с Востоком и временные завоевания и колонизация в восточных странах благотворно повлияли сначала на *итальянские города*, как старейшие и наиболее развитые в Европе, а через них на осталь-

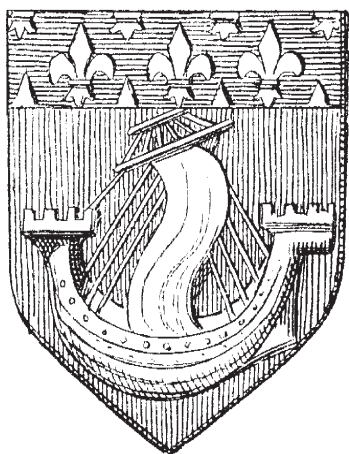
ные. Итальянские города добились в этот период полной независимости: североитальянские — Венеция, Генуя, Пиза, Милан и прочие ломбардские города обратились в настоящие республики. Эта их независимость была результатом тех событий, которые подготовили конец владычеству Штауфенского дома в Италии и в то же время конец могуществу императоров. Насколько и в какой степени эта полная свобода должна была послужить на

Собор в Пизе. Построен Бускетто в 1063–1100 гг. в честь морских побед, одержанных пизанцами в Средиземном море.

пользу им самим — это другой вопрос. Ни во Франции, ни в Англии о такой абсолютной свободе не могло быть и речи. Городской элемент во *Франции*, окрепший еще в те времена, когда Галлия была римской провинцией, рос в тесной связи с усилением королевской власти. Самосознание городского населения пробудилось здесь ранее, чем в Германии, еще в начале XII в. Многозначительное слово *коммуна* (*commune*) получило в это время новое значение и стало обозначать не только подтвержденную присягой связь граждан отдельного города с определенным количеством городов, но и вообще союз нескольких городов на основании общей программы действий, а равно и эту самую программу. Программа эта заключалась в следующем: самостоятельный суд в случае нарушения каких бы то ни было предоставленных городу законов, обширная судебная власть в пределах города, назначение судей и чиновников для управления городом по выбору горожан и право самостоятельно распоряжаться административной и полицейской частью, при точно установленных обязательствах по отношению к одному владыке — епископу или иному господину. Вообще говоря, надо отдать справедливость французским королям, что они с гораздо большей политической проницательностью,

нежели немецкие государи, особенно Штауфенского дома, отнеслись к тем политическим выгодам, какие подобное развитие городов предоставляло королевской власти. Немецкие короли обратились за помощью к этим союзникам уже тогда, когда было слишком поздно. Король Людовик IX издал, по возвращении из своего первого крестового похода, распоряжение о выборе

Одно из ранних изображений герба города Парижа.

мэра — городских властей вообще — и управления городскими доходами, и особенно занялся преобразованием управления своей столицы, *Парижа*, который, как и все города, состоявшие непосредственно под королевской властью, страдал уже не от насилий со стороны соседних магнатов, а от злоупотреблений, развившихся в городской среде благодаря городским партиям и nepотизму. В *Англии* развитие городов способствовало суровому правлению первых норманнских королей, которое, по крайней мере, обезопасило их от мелких тиранов. Короли скоро пришли к сознанию того, что благосостояние, накапливаемое в городах трудом и рвением граждан, есть их собственное благосостояние, и потому со времен Вильгельма II ни одно правление не обошлось без того, чтобы городам или отдельным корпорациям в них не дано было каких-нибудь новых

хартий, льготных грамот или привилегий. Старинный обычай, который существовал еще со времен саксонского владычества, вызванный тревожными временами, — обычай соединяться в *гильдии* или тесные кружки, члены которых были связаны круговой порукой по охране жизни и имущества, а в некоторых случаях и для мщения, способствовал установлению в этих городах аристократического строя. Власть была сосредоточена в руках сравнительно немногих семейств и родственных союзов, и для них очень выгодна была привилегия, со времен Иоанна Безземельного нередко выпадавшая на долю городов — право свободного выбора городских властей. Величайшим городом в королевстве, благодаря его исключительному положению, был *Лондон*. Несмотря на это, в середине XIII в. в нем едва ли было 30 тысяч жителей.

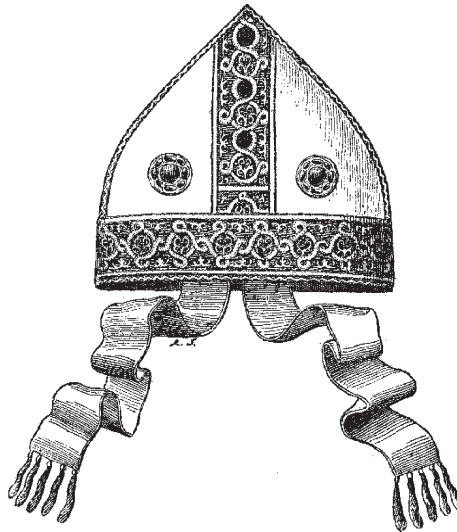
Города
Германии.

Оригинально и в высшей степени разнообразно развивалась городская жизнь и быт горожан в *Германии*: вкратце довольно трудно очертить всю ее полноту. Древнейшими городами и в некотором смысле образцами для всех были римские города на Дунае и Рейне. Другие города возникли около королевских замков и епископских резиденций; третьи были торжками или возникли у переправ через большие реки или вблизи мест разработки каких-нибудь природных богатств; иные были построены в качестве укреплений или крепостей. Поводом к постройке многих городов была совокупность различных условий, существовавших одновременно. По мере усиления и развития власти князей к старым городам прибавлялись новые, построенные кня-

зьями, и ко многим прежним различиям городов прибавилось еще различие в правах между этими новыми городами (*княжескими*) и старыми (*Reichsstädte* — *имперскими*). Беглый исторический обзор быта древнейшего из городов Германии того времени, *Кёльна*, может представить любопытную страницу из истории развития средневропейской городской жизни.

В середине XIII в. город Кёльн — в ту пору, несомненно, первый город Германии — мог уже похвалиться почти тысячелетним существованием, т. к. его основание терялось во мраке времен, предшествовавших римскому владычеству. Древнее поселение *убиев*, *civitas Ubiorum*, большая германская деревня, первоначально расположенная только на правом берегу Рейна, была превращена в римскую военную колонию с очень сильным гарнизоном, причем к военному элементу и первоначальному туземному земледельческому присоединились ремесленники и торговцы. Во времена войн с франками город неоднократно был до основания разрушен, как свидетельствуют раскопки, затем потерял всякое значение и вновь поднялся только тогда, когда здесь была основана новая епархия, до VI в. с трудом державшаяся в городе, т. к. он еще отовсюду был окружен языческим населением. Древнегерманские понятия о равенстве земельных владений в это время исчезли. Архиепископства, равно как и другие духовные учреждения, владели значительными участками земли и в самом городе, и в непосредственной близости к нему и заселяли эти участки своими служилыми людьми; но рядом с ними, на тех же землях, сидели и свободные собственники, и сама церковь находила для себя прибыльным предоставлять им в обработку часть своих земельных владений, а желающих получить эти участки было много, потому что всех привлекало сюда положение города, столь благоприятствовавшее развитию местной торговли. Затем Кёльн был отдан во владение *Бруно* (953–965), брату Оттона I, архиепископу Кёльнскому, и в это время население города значительно увеличилось за счет чиновников, министериалов, относившихся к управлению архиепископией и к свите *бургграфа*, или посаженного королем губернатора, который получил в лен право суда и расправы в городе не от архиепископа, а от короля. Внутреннему благосостоянию города, постоянно растущему в течение всего периода X–XIII вв., способствовало то, что по условиям мореплавания и кораблестроения того времени Кёльн имел значение приморской гавани, находился в непосредствен-

Город
Кёльн.

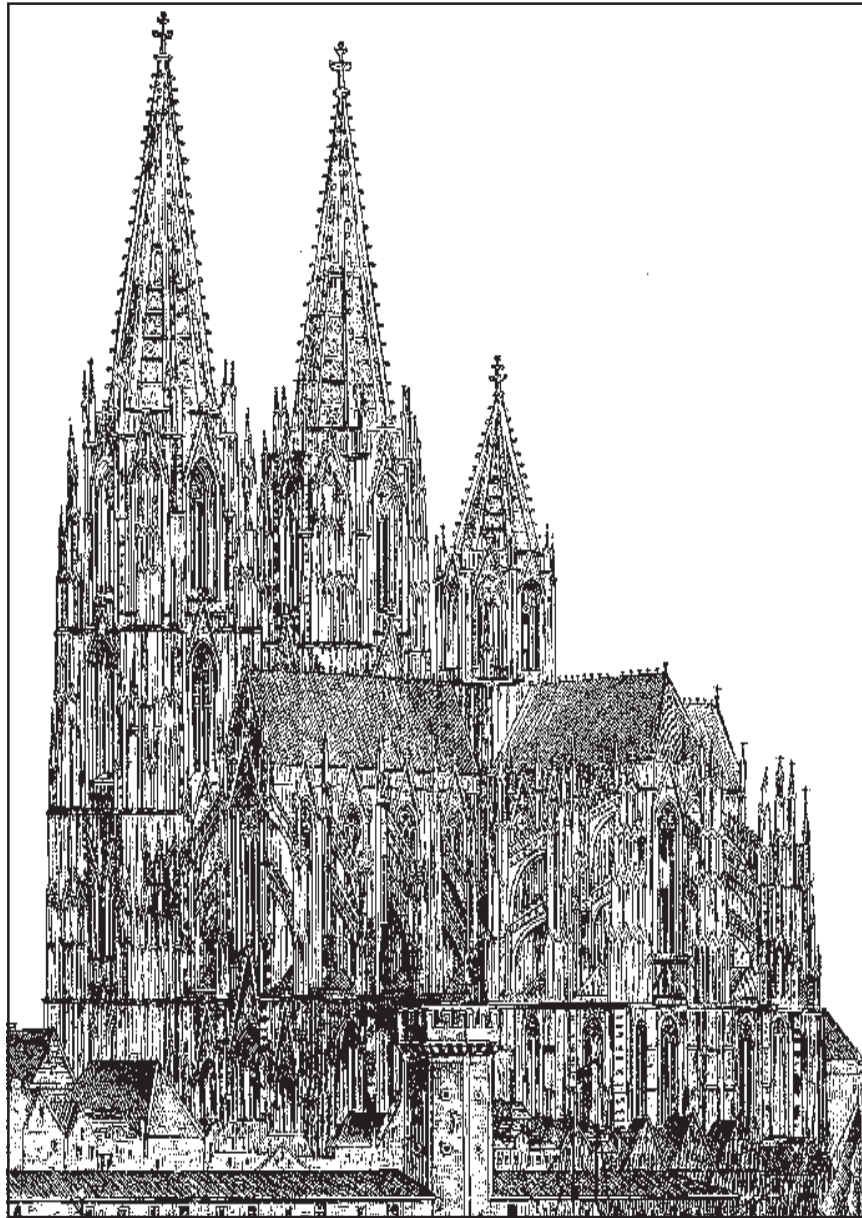

Митра немецкого архиепископа XII в.
Хранится в Бамбергском соборе.

ных отношениях с Англией и вследствие этого даже играл довольно важную роль в политике. Не мешает вспомнить, что кёльнские горожане принимали участие и в крестовых походах. Особенно много их отправилось в Палестину через английские порты в 1147 г. В городском населении преобладал свободный элемент: потомки древнейших граждан города, прежних землевладельцев и земледельцев, большей частью перешли к занятиям *торговлей*, которая стала основой городского благосостояния. Они образовали «товарищества», из которых избирались присяжные в городской суд, имевшие некоторое значение и в городском управлении. В 1112 г. они составили *торговую гильдию* (*conjuratio*, т. е. сообщество, члены которого были связаны взаимной присягой), называемую «цехом богачей». Около 1200 г. во главе города был и *городской совет*, о котором неизвестно, когда именно и как он образовался.

**Борьба
сословий
в Кёльне.**

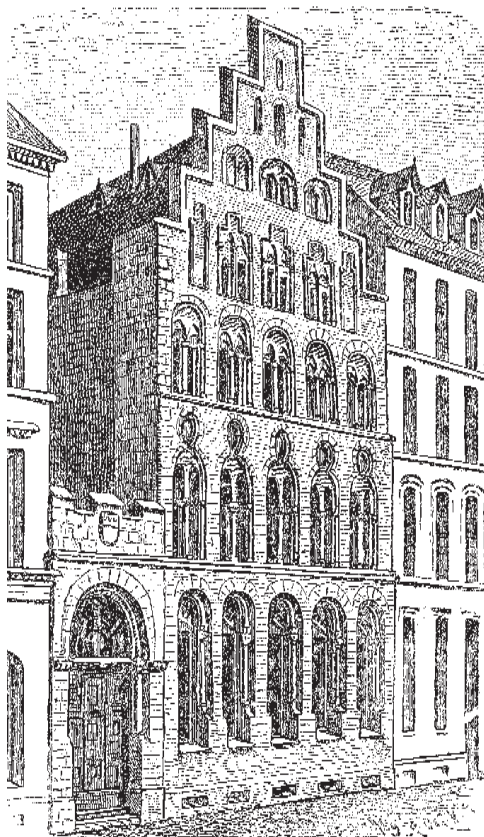
Таким образом, в этом «совете», в комиссии присяжных и в «цехе богачей» сосредоточился высший класс городского населения, *патрициат*, и притом весьма хорошо организованный, так что собственно управление городом было в их руках. Однако рядом с ними возникла и другая, постоянно растущая сила — *ремесленное* сословие, *плебейство*. Их организация была очень проста: все ремесленники, занимавшиеся одним ремеслом, жили на одной улице, от них происходило и название самой улицы, и каждое ремесло составляло в свою очередь особый *цех* или братство, которые уже потому имели политическое значение, что представляли собой силу, организованную в военном отношении ради защиты города. Было, конечно, немало поводов для раздора между могущественной городской аристократией и растущим плебейским сословием, и борьба действительно началась в первой четверти XIV в. при архиепископе *Энгельберте Святом* (1216–1225). Самый бурный период борьбы наступил при архиепископе *Конраде фон Хохштадене* (1238–1261), который, будучи человеком весьма честолюбивым и политиком в весьма широком смысле слова, избрал храброго Вильгельма Голландского орудием своих планов и претендентом на королевский престол в Германии. Горожане, подкупленные обещанием больших привилегий, перешли на сторону нового короля и приняли его в 1247 г., забыв, по-видимому, о том, что еще 12 лет назад они торжественно принимали в своих стенах невесту своего законного короля, блистая всем великолепием городских богатств. Конрад восстановил прежнюю епископскую власть и 15 августа 1248 г. положил первый камень в основание знаменитого *Кёльнского собора*, на постройку которого собирались деньги еще с того пожара, который уничтожил старый Кёльнский собор и принудил приступить к новой постройке. Оказалось, что согласие между архиепископом и гражданами было непрочным. Конрад задумал было воспользоваться раздорами между местной аристократией и ремесленными цехами (между «*cives majores*» и «*cives minores*») в ущерб городским привилегиям; ради этой цели он внезапно покинул город и из его окрестностей прислал горожанам объявление войны. Посредником между горожанами и архиепископом выступил всеми уважаемый ученый доминиканец *Альберт фон Большмедт*, известный «*Albertus Magnus*», человек весьма замечательный. Это

Кёльнский собор. Вид в конце XIX в.

был страстный естествоиспытатель, который устроил в садах своего монастыря теплицу, где всю зиму выращивал плодовые деревья и цветущие растения, и, ревностно изучая Аристотеля, большую часть времени посвящал весьма остроумным опытам, в то же самое время увлекался своего рода «философским камнем», стараясь добиться, чтобы ветки простого дуба, посаженные в

земле, при помощи особого ухода превратились в виноградную лозу. Мир, кое-как восстановленный Альбертом, опять был нарушен вследствие каких-то недоразумений. Конрад в гневе вновь покинул город и, засев в соседнем Роденкирхене, держал Кёльн в блокаде. Усобица разгорелась, и дело дошло до открытой битвы, которая закончилась поражением архиепископского войска. Альберт опять добился того, что мир был восстановлен, и в результате появился весьма обстоятельный акт, так называемый *Laudum Congradinum* (1258 г.), нечто вроде Великой хартии, которым были установлены все административные порядки Кёльна и были сделаны первые уступки собственно демократическому принципу. Вскоре Конрад воспользовался жалобой, принесенной ему местной знатью на новых присяжных из числа ремесленников, чтобы нескольких важнейших ее представителей заманить в западную и рассадить по своим крепким замкам в заточенье. За его властвованием последовало несчастное правление *Энгельберта Фалькенбургского* (1261–1274). Постройка укрепленных замков на Рейне, выше и ниже города, привела к сближению кёльнских патрициев с плебеями, вооружив тех и других против

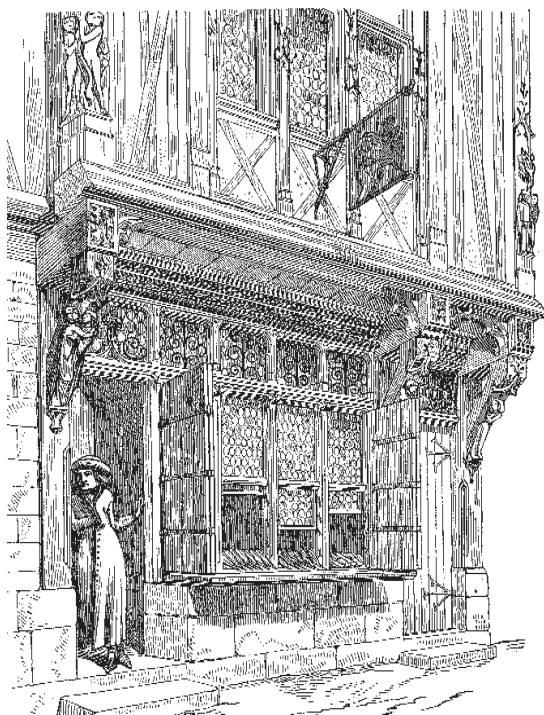
Дом рода Овершольцев в Кёльне.
Начало XIII в.

«Храмовый дом», один из старейших частных домов в Германии.

архиепископа, который вынужден был освободить своих пленников из заточения. Патрициат опять приобрел большую силу и привлек на свою сторону многих баронов из окрестностей Кёльна, выдав им грамоты на звание почетных граждан города, а Энгельберт, которому некоторое время пришлось провести в своем городском доме как пленнику, выхлопотал у папы запрещение

богослужения, которое и наложил на свой город. Борьба вновь разгорелась в 1267 г. Во время этой борьбы архиепископа с горожанами и их союзником, графом Вильгельмом Юлихским, последний захватил в плен Энгельберта и держал его в заточении с октября 1267-го до весны 1271 г. Между тем раздоры и партии появились и среди патрициев; *Вайзы* стали воевать с *Оверштольцами*, их сторонниками

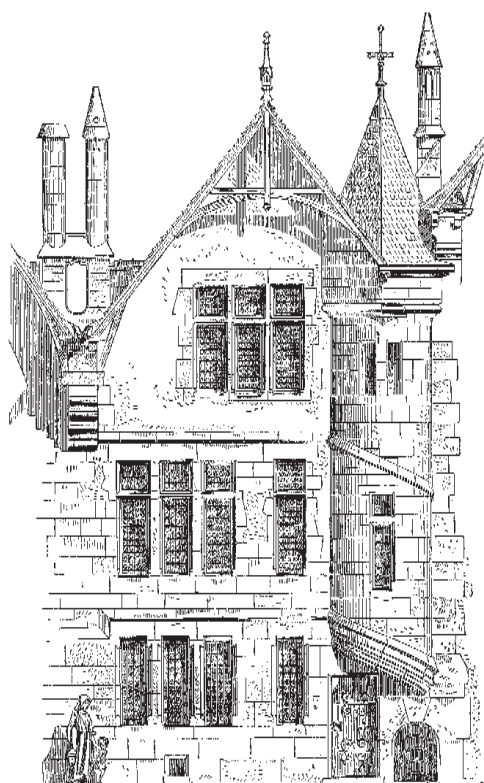
и прислужниками, и Вайзы надеялись одолеть Оверштольцев, но должны были бежать из города, уступив силе могущественных противников. Однако в городе у них остались тайные приверженцы, особенно тянул к ним один из демагогов, Герман Рыболов. Он подговорил какого-то бедняка, жившего вблизи городских ворот, прокопать под его жилищем потайной ход под стену, за город; и через этот ход Вайзы в ночь на 15 октября 1267 г. с отрядом вооруженных приверженцев проникли в город. Но Оверштольцы успели об этом вовремя узнать и поспешили на место: долго они бились у ворот, одолеваемые более многочисленным врагом, между тем как ремесленные братства стояли неподалеку в сборе, вооруженные. Они еще не знали, на что им решиться, когда один из Оверштольцев явился к ним с места побоища и во имя родного всем им города стал умолять, чтобы они помогли оттеснить врага. Те послушались и помогли отбить нападавших. Затем произошло примирение с пленным архиепископом. При последующем архиепископе, *Зигфриде фон Вестенбурге* (1274–1297), граждане еще раз выдержали сильнейшую усобицу с ним. Т. к. город был очень недоволен постройкой нового архиепископского замка, который мог значительно повредить их торговле, то горожане в борьбе архиепископа Кёльнского за наследство графов Лимбургских стали на сторону его противников и в союзе с герцогом Брабантским одержали победу над архиепископским войском (1288 г.). За этой победой последовало новое примирение, благодаря которому город наконец добился автономии.

Типовая лавка торговца XIII в. Реконструкция
Виолле-ле-Дюка.

Городская
культура.

До 1250 г. почти все важнейшие немецкие города уже были налицо, за исключением лишь весьма немногих, построенных позднее по прихоти князей и государей (как, например, Потсдам или Мангейм). В это время замечается уже большой прогресс в городской жизни, хотя, естественно, не все города были в этом отношении равны: так, например, между рейнскими и саксонскими

Дом зажиточного горожанина XIII в. Реконструкция Виолле-ле-Дюка.

городами наблюдалось гораздо большее различие, нежели в настоящее время. Улицы внутри городских стен по-прежнему оставались узкими, потому что интересы защиты города требовали такой тесной расстановки домов: однако уже начинали мостить улицы (по крайней мере, некоторые) или шоссировать, и в каждом из больших городов осталось до сих пор от этих времен за одной из нынешних улиц название «Каменная улица» или «Каменная дорога». В то же время принимались и кое-какие полицейские меры, касавшиеся чистоты и порядка на улицах. Печальное зрелище судебных поединков, превратившихся в своеобразный промысел, уже исчезло; с другой стороны, и грубые формы пиршеств и угощений стали уступать более утонченным нравам и более мягким формам. В церковном быту вместо мрачной, суровой и аскетической религиозности появилось благородное и своеобразное стремление к красоте и изяществу в двух совершенно различных направлениях — в области музыки и строительного искусства; и то и другое искусство за это время быстро

шагнуло вперед, и именно к этому времени относится появление нового, *готического стиля*, который постепенно образовался из романского. То принципиальное различие, какое некогда существовало между дорическим и ионическим стилем в древности, проявилось и здесь, на более высокой ступени развития и не менее плодотворным образом: серьезный, торжественный, спокойный характер романского храма вдруг изменился и ожил — его формы оживились дивным взлетом линий, стройно идущих от земли ввысь и поражающих взор своим чудным, гармоничным сочетанием. Историк для этих произведений средневекового искусства вообще и готического стиля особенно

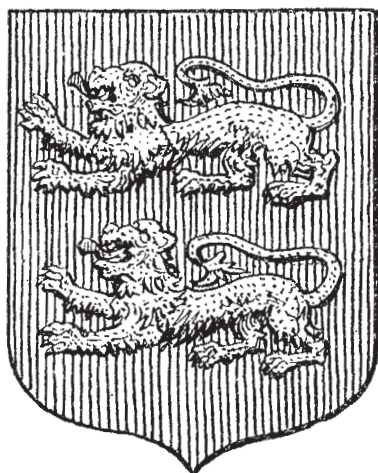
должен отметить тот любопытный и важный факт, что эти величавые произведения ничего общего не имели с бытом рыцарства и дворянства, что они были именно продуктом деятельности ремесленных цехов в той форме, которая была развита городской жизнью. Не мешает заметить, что в этих городских общинах — особенно в больших имперских городах — развился и очень сильный, глубокий местный патриотизм, тем более что у каждого города была своя индивидуальность. Очень многие из горожан от рождения до смерти не переступали за черту своего городского округа, обозначенную установленными на ней изображениями его святых патронов. Даже тот, кого торговые дела, или война, или что иное влекло вдаль, стремился только к одной цели, к одному высшему идеалу — спокойной и безопасной жизни за крепкими стенами родного города. И вот наступило время для немецких городов или, по крайней мере, для большей их части — проявить себя силой, способной к взаимной обороне и поддержке в виде тесно сплоченных городских союзов, какие прежде были только среди ломбардских городов. И произошло это в то время, когда императорская власть утратила всякое значение и еще не было возможности обновления этой власти, которой все привыкли дерзновенно противиться или уклоняться от нее, пока она находилась в твердых руках, и отсутствие которой все скорбно ощутили с тех пор, как она была утрачена.

Время от смерти Конрада IV (1254 г.) до нового избрания всеми желанного и признанного главы государства, последовавшего только в 1273 г., обычно называют *междоцарствием*. Писатели, близкие к этой эпохе, говорят о ней с ужасом и характеризуют ее словами священного писания: «В то время не было судьи в Израиле, и каждый делал то, что ему вздумается». Когда король *Вильгельм* в 1256 г. скончался в походе против французов, не без опасения произносились имена некоторых князей, которые могли бы его заменить: заходила речь и о юном *Конраде*, сыне последнего короля из рода Штауфенов, но главой государства был избран кандидат, указанный папой и поддерживаемый величайшим из духовных интриганов в государстве, архиепископом Конрадом Кёльнским, — граф *Ричард Корнуэльский*, брат английского короля Генриха III. Он и был провозглашен королем во Франкфурте, в январе 1257 г. Венец, который был на него возложен, едва

Междоцарствие:
1254—
1273 гг.

Король Альфонс Кастильский.
Статуя в Толедском соборе.

Герб графов Анжуйских в XIII в.

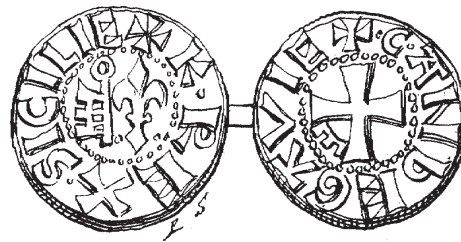
Папа Климент IV (1265–1268) вручает своей буллой корону обеих Сицилий Карлу Анжуйскому. Фреска в башне города Перн (Воклюз).

ли стоило покупать так дорого, как он ему достался. Враждебная Конраду партия, во главе которой стоял архиепископ Трирский и которую можно, пожалуй, назвать «гибеллинской», противопоставила английскому кандидату внука короля Филиппа, короля Альфонса X Кастильского, который также был провозглашен во Франкфурте два месяца спустя. Надо заметить, что и тот и другой из этих избранников играли не бесславную роль в истории своих родных стран, но для Германии ни тот, ни другой не могли иметь никакого значения. Король Альфонс даже не ступал на почву Германии. Король Ричард явился в мае 1257 г. в Аахен и здесь был коронован архиепископом Кёльнским, который получил за это весьма круглую сумму в 12 тысяч фунтов стерлингов. При коронации присутствовали еще два других епископа, тридцать князей и до трех тысяч рыцарей. Но трое важнейших из числа владетельных князей — герцог Бранденбургский, король Чешский и герцог Саксонский — держали сторону Альфонса. Ричард собрал рейхстаг в Кёльне и летом предпринял поездку вверх по Рейну, при этом захватил с собой туго набитую казну, которая, однако, вскоре опустела. Несколько времени спустя он уже должен был посылать в Англию приказы о продаже своих лесов. Так он доехал до Базеля; но здесь деньги у него иссякли, и хроникер, рассказывающий об этом, добавляет, что «тогда же его покинули и князья, объявив, что они избрали его не из-за личных его достоинств, а в надежде на его денежные средства». Он удалился, потом вновь вернулся в 1260 г., и вообще, из тех пятнадцати лет, в течение которых носил свой королевский венец, он только четвертую часть провел в Германии, причем совершенно безуспешно.

Между тем свершилась судьба Штауфенского дома на территории Италии, столь

гибельной и для этой династии, и вообще для германской монархии. Там в декабре 1254 г. скончался Иннокентий IV. Его преемники твердо держались своих притязаний на Сицилийское королевство и потому враждебно относились к *Манфреду*, сыну Фридриха, который правил этим королевством как наместник юного Конрада. Но Манфред сумел справиться со своими противниками и показал себя настолько искусным и опытным в делах, что когда пронесся слух о смерти Конрада, то вся знать и все города Сицилийского королевства стали просить его, чтобы он сам принял сицилийскую корону; он сдался на их уговоры и в августе 1258 г. был коронован в Палермо. казалось, что вновь вернулись времена Фридриха II — страна вздохнула свободно. Однако ненависть римской курии не ослабла и по отношению к новому правительству. *Урбан IV*, в 1260 г. наследовавший *Александру IV*, изрек против Манфреда отлучение от церкви, которое, однако, осталось бы недействительным, если бы не нашлась светская власть, которая способна была привести церковное проклятие в исполнение. Интрига с английским принцем *Эдмундом* не удалась. Гораздо удачнее пошло дело с графом *Карлом Анжуйским*, братом *Людовика IX*, короля Франции. Однако переговоры еще тянулись некоторое время, т. к. папа не доверял французскому претенденту. Только уже преемнику *Урбана*, *Клименту IV*, провансальцу, удалось заключить договор, по которому Карлу было обеспечено наследственное обладание Сицилийским королевством за ежегодную уплату 8 тысяч унций ленной пошлины и за одновременную выплату довольно значительной суммы после завоевания. Церковные дела надлежало упрочить на строгой канонической основе. Характерным для этого договора было условие, по которому новый король должен был утратить свое королевство, если бы задержал уплату ленной дани более шести месяцев. В противоположность своему предшественнику Манфреду он не отличался приятной внешностью. Даже та партия, которая воспользовалась его услугами, не доверяла ему, но он знал, чего добивался, и в выборе своих средств не затруднялся ни честью, ни правом. Так и в решительной битве, которая произошла в феврале 1266 г. при *Беневенте*, он отдал приказание, противное всем рыцарским обычаям, — закалывать лошадей под рыцарями. Когда же Манфред увидел, что победы уже не добыть, он устремился в сечу, ища смерти, а разрозненное сопротивление его приверженцев уже не могло воспрепятствовать покорению страны французами. Однако штауфенская партия все же оставалась в королевстве преобладающей, и пока юный Конрад был жив, господство французов в стране было ненадежным. А между тем Карл так беспощадно пользовался своей победой, что возбудил против себя недовольство даже папы. Такой способ действий вскоре побудил некоторых руководителей побежденной партии отправиться ко двору герцо-

Конец вла-
ствованию
Штауфенов
в Италии.
Беневент.
1266 г.

Монета Карла I Анжуйского
как короля обеих Сицилий (1265–1285).

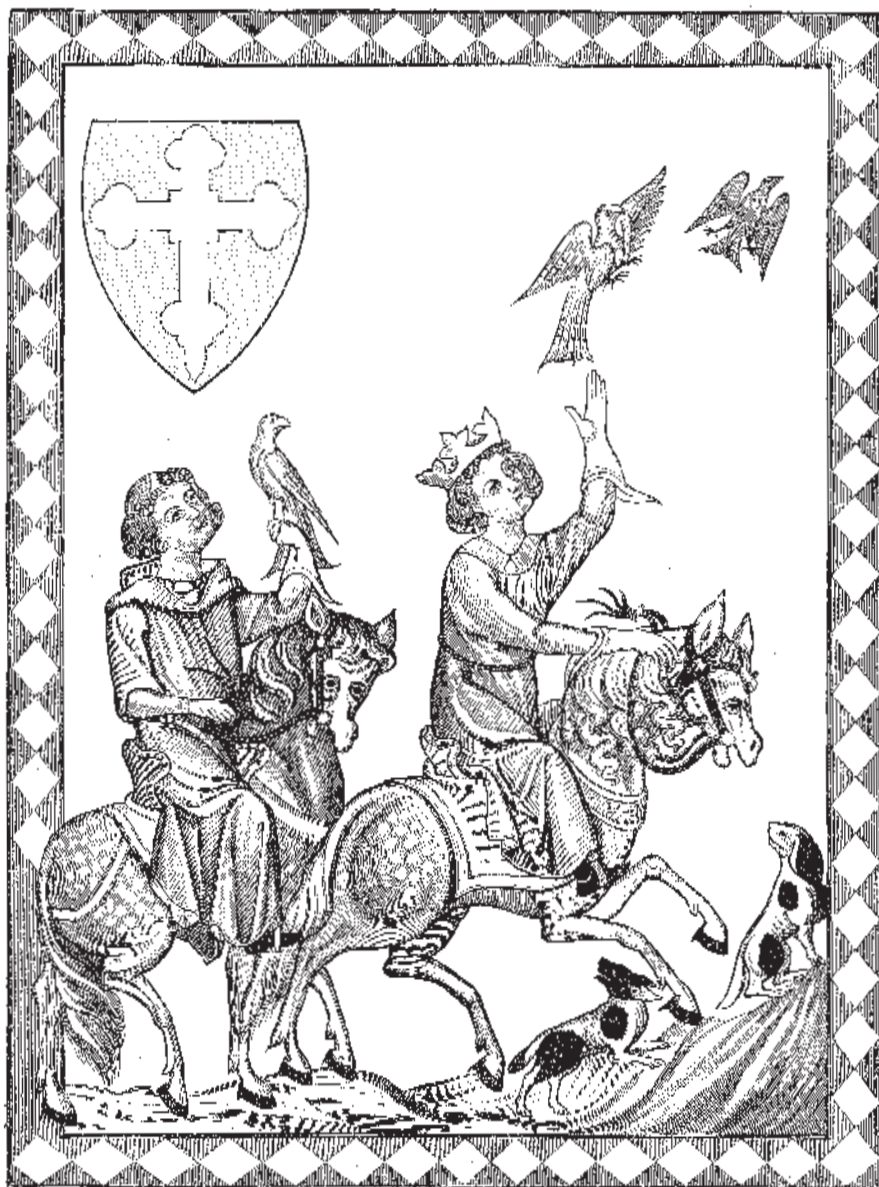
га Людвиг Баварского, где пребывал «Конрадин». Этот юноша, едва вышедший из отрочества (он родился в 1252 г.), вырос в сознании предстоящей ему великой задачи и, попав в руки дурных советников, растратил остатки своих земельных владений на приобретение себе приверженцев. Даже родовой замок его семейства был уже не в его руках, когда вдруг представилась соблазнительная возможность вновь завоевать Сицилийское королевство. Он ухватился за этот замысел со всей горячностью неопытного юноши, употребил на его выполнение остатки своего состояния и осенью 1267 г. пустился в поход с войском почти в 10 тысяч человек. Вначале поход был довольно удачен: известие о его появлении по ту сторону Альп тотчас вызвало сильное восстание в Сицилии. Флот его сторонников, пизанцев, одержал в сицилийских водах победу над французским флотом (август 1268 г.); и хотя папа тотчас после появления Конрадина в Италии отлучил его от церкви, он был встречен с большим почетом в Риме, где преобладала враждебная Карлу Анжуйскому партия. При получении известия о наступлении Конрадина Карл тотчас же прекратил осаду Лючеры, главного города сарацин.

**Смерть
Конра-
дина.
1268 г.**

Карл Анжуйский спешил покончить дело решительной битвой, которая действительно последовала 22 августа 1268 г. при Скурколе близ *Тальякоццо*. С французской стороны войсками командовал опытный воин Эрар де Валери, который 18 лет тому назад сопровождал королю Людовику Святому в его несчастном египетском походе. Он повел дело так, что, когда гибеллинское войско уже полагало, что победа им одержана, и потому начало расходиться с поля битвы, Эрар вдруг ударил на него из засады и разом изменил исход битвы. Сам Конрадин, его друг Фридрих, сын маркграфа Баденского, и принц Энрике Кастильский несколько дней спустя были захвачены в плен и очутились в руках Карла, который, прикидываясь законным королем Сицилии, не расположен был миловать врагов. Смертный приговор был приведен в исполнение в Неаполе, на площади близ кармелитской церкви, 29 октября 1268 г.: сначала был обезглавлен Конрадин, а затем Фридрих. Это событие означает конец связи между Германской империей и Италией, и в нем не без основания видят окончательное поражение идеи преобладания императорской власти над папством. И теперь, когда не стало более императора, папа стал в христианском мире если не высшей силой, то, по крайней мере, высшим по титулу среди правителей. Ему уже никто не мог препятствовать в распоряжении престолами и царствами. Папа Урбан IV вознесся до того, что и «обоих королей Германских», Ричарда и Альфонса, пригласил в Рим для окончательного решения их тяжбы. Конечно, далеко не все были готовы подчиняться притязаниям папы. С другой стороны, нельзя не заметить, что, вообще, разрушение древней германской монархии в самом центре Европы послужило далеко не на пользу господству церкви и папства: никому еще не удавалось безнаказанно разрушить мощную власть, установившуюся между людьми.

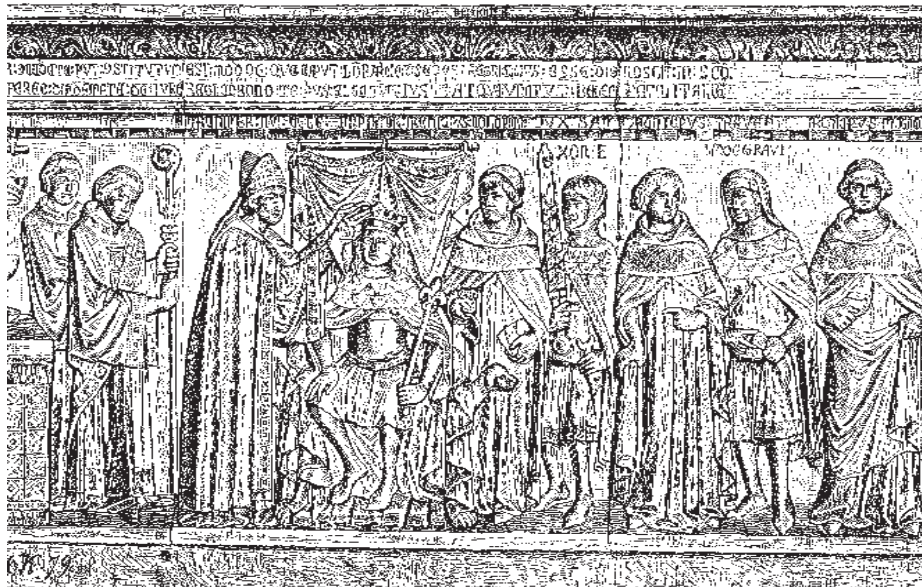
**Германия.
Семь кур-
фюрстов.**

В Германии в это время закончилось преобразование общего политического положения, которое способствовало успешной борьбе большинства против единичных представителей власти и отдельных земель — против объединявшего их государства, и аристократического элемента — против монар-

Конрадин на соколиной охоте. Миниатюра из Большой Гейдельбергской рукописи (ок. 1300 г.). Гейдельберг. Университетская библиотека.

хического. Владетельные князья, закончив долго длившийся период укрепления своей власти, окончательно сбросили лишь значение сановников, назначаемых государственной властью на известного рода должности: они стали истинными владельцами земли, господами своих владений. Положение этих князей и графов было в такой степени завидным, что всякий, кто чувствовал себя достаточно сильным, добивался и захватывал его, невзирая ни на какие

Коронование германского императора железной короной Ломбардии в Монце в присутствии шести курфюрстов.

Надписи (на латыни). Над основной группой: «Соизволением Всевышнего бога и святого апостольского престола благоговейно и по установленным правилам венчаю тебя как законно избранного и помазанного короля плодородной Италии во храме святого Иоанна Крестителя в городе Монце, признанного столицей Ломбардии и резиденцией ее монархов». Над отдельными фигурами: «архипастырь этой церкви»; «император»; «архиепископ Кёльнский»; «герцог Саксонский»; «архиепископ Трирский»; «ландграф» (пфальцграф Рейнский); «архиепископ Майнцский».

права, и постепенно образовалось чрезвычайно много таких владетельных князей — крупных, средних и мелких, — и из них выделилась олигархия, состоявшая из семи *курфюрстов*, или князей-избирателей: это были архиепископы Майнцский, Кёльнский и Трирский и герцоги Чешский, Саксонский, Бранденбургский и Франконский, впоследствии игравшие такую важную роль при избрании королей, т. к. они присвоили себе исключительное право этого избрания. Но в описываемое время этот новый порядок еще не установился окончательно. Этому здесь препятствовали остатки старого правового порядка: во многих других местах новый общественный строй нарушался от материального преобладания светской аристократии. Ни в какое иное время церкви

и монастыри в такой степени не нуждались в защите баронов-покровителей, и никакое иное время не было более благоприятным для этих магнатов в смысле эксплуатации их положения.

Из всего вышеизложенного видно, что «не было судьи в Израиле» — не было никакой высшей общественной власти, которая была бы способна всюду настойчиво поддерживать государственный строй и порядок и всюду заставить себя уважать. А между тем этот государственный порядок был безусловной необходимостью, и эта необходимость еще до междоусобиц побудила некоторых владетельных князей к формальным союзам ради общественного устройства. Более же всего эта потребность ощущалась в городах как центрах промышленной деятельности нации, где были накоплены наибольшие запасы материальных богатств и в то же время ощущалось вполне понятное сознание силы. Это привело к созданию мощной политической организации в виде *союзов городов*, представляющих собой последний и характернейший результат этого периода. Такие союзы восходят к последним годам правления императора Фридриха II, проявившись в виде союза для обоюдной защиты торговли, установленного между некоторыми вестфальскими городами — Мюнстером, Оснабрюком, Минденом, еще ранее между Берном и Фрейбургом. К началу века относится союз Гамбурга и Любека, который был возобновлен во времена нашествия монголов и быстро распространился на множество нижнесаксонских городов, послужив зародышем знаменитой *Ганзы*, а из союза двух рейнских городов, Майнца и Вормса, в 1247 г. произошел почти в то же время *Рейнский союз городов*. В самое короткое время к этому союзу примкнули города Кёльн, Бинген, Оппенхайм, Шпейер, Страсбург и Базель. В течение года в состав союза вошли 70 городов, и среди них находились даже такие, что лежали в стороне от рейнского водного пути. На частых собраниях горожан было выработано внутреннее устройство союза. Душой этого союза, необычайно своевременного, был один из старейших горожан Майнца, Арнольд Вальдпот, и ближайшая цель союза была достаточно ясна для общего понимания: сохранение общего мира, обеспечение торговых отношений, оборона личной и имущественной безопасности против общераспространенного грабительства разбойничьих шаек, предводимых рыцарями и всюду свирепствовавших по дорогам. Эту охрану городские союзы распространили на всех слабых, на всех нуждающихся в помощи, на всех поселян и даже на евреев и добились того, что король Вильгельм Голландский подтвердил и закрепил своим разрешением права, присвоенные себе союзом в 1254 г. После его смерти в этот союз был внесен новый политический элемент: союзники решили признавать толь-

Союзы общественно-го благоустройства. Союзы городов.

Печать коммуны Страсбурга (XIII в.).

Святая дева и младенец Иисус, сидящие под портиком. За ними — церковь, далее видна городская стена.

ко одного, единогласно избранного короля. Однако это им не удалось привести в исполнение. При следующем двойном избрании союзники распались на две партии, и дальнейшему, более обширному и глубокому развитию союза городов послужило препятствием то обстоятельство, что владетельные князья сами поспешили примкнуть к союзу, сами способствовали уничтожению несправедливо взимаемых пошлин, усмирению нарушителей мира и полюбовному улаживанию раздоров между членами союза при посредстве выборных руководителей. Все трое архиепископов, многие епископы, пфальцграф Людвиг Рейнский, герцог Верхне-Баварский и даже Тевтонский рыцарский орден вступили в состав союза. Их примеру последовали еще многие графы и бароны: это участие в союзе владетельных князей в значительной степени благоприятствовало достижению ближайшей его цели, и во всяком случае горожане не имели возможности это участие отвергнуть. События, последовавшие после кончины Вильгельма, потрясли союз городов: единогласный выбор короля, на который возлагались такие упования, не состоялся, а известные уже кельнские усобицы нанесли значительный ущерб дальнейшему развитию союза. Наступили времена частных раздоров и частных союзов между городами, и только много времени спустя вновь установилось общее согласие.

**Избрание
Рудольфа
Габсбург-
ского.**

В апреле 1272 г. скончался король Ричард, и т. к. Альфонс Кастильский не пользовался никаким значением, этим была вызвана необходимость положить конец невыносимому порядку. Сам папа Григорий X пришел к убеждению, что прежде всего следует восстановить в Германии такую светскую власть, которая была бы всеми одинаково признана. К тому же французское влияние в Южной Италии грозило папству гораздо большими опасностями, нежели мощь штауфенского дома. Потому Григорий X сам принял на себя почин в деле избрания нового германского короля, приказав курфюрстам приступить к этому избранию, о котором особенно усердно хлопотал архиепископ Вернер Майнцский для общей пользы. Это избрание, наконец, состоялось во Франкфурте-на-Майне 29 сентября 1273 г. Выбор пал на одного из южнонемецких владетельных князей, графа *Рудольфа*, из рода, носившего титул графов *Габсбургских*, от названия их родового замка в Ааргау, построенного в начале XI в.

Печать
папы Александра IV (1254–1261).